

декабрьская встреча: диалог с писателем

Надежда нас не обманет

— Лев Эммануилович, вы прошли все этапы жизни нашего общества, в том числе ГУЛАГовские этапы, тюрьмы, лагеря, общались со многими людьми — от высокопоставленных жителей Кремля в тридцатые годы до тюремных надзирателей, — имеете богатую возможность для сравнений, анализа. С высоты прожитых лет каким вам видится наше настоящее?

— Мы живем в тяжелое время, но я бы избежал слова — трагичное. Больше всего меня раздражает, что сейчас пропагандируется повсеместно состояние апокалипсиса, и, к сожалению, довольно часто — писателями.

Что касается меня, то при всей тяжести положения, в котором мы сейчас находимся — и социального, и политического, и экономического, я смотрю на все более оптимистически. Может быть, потому, что за 82 года моей жизни я насмотрелся ситуаций, которые были не менее тяжелыми и действительно трагичными. И тем не менее мы выходили из них. Но такая позиция объясняется моим личным оптимизмом, на который я, однако, имею право после всего пережитого.

Полагаю, что нам предстоит несколько тяжелых лет — не берусь судить сколько, однако страна, народ найдут силы выйти и из этого кризиса. И в этом, конечно, огромную роль должна сыграть литература. Я не преувеличиваю ее значения.

— Литература — явление общественное, хотя творчество — процесс сугубо индивидуальный. Вы были делегатом состоявшегося недавно VII съезда Союза писателей РСФСР. Как вы восприняли его работу и итоги в связи с теми процессами, которые происходят сейчас в стране?

— Я был участником не одного писательского съезда, но этот произвел на меня наиболее отрицательное впечатление. В первую очередь тем ощущением апокалипсиса, о котором я уже сказал. Никто не говорил о литературе, о своем деле, о роли писателя в наше сложное время — все призывали спасать Россию. Причем, если сравнивать то, что говорилось на VII съезде писателей РСФСР, с тем, что говорят экономисты, политологи, могущие судить о положении в стране трезво, профессионально, то можно лишь удивляться поистине беспредельному отчаянию и трагизму, которыми были переполнены выступления писателей.

Я не видел на съезде самого главного, что, на мой взгляд, требуется от литературы, — стремления к правде. Мы пережили трагическую эпоху, поскольку в течение семидесяти с лишним лет в основе общества были ложь и насилие. Сейчас насилие государства над личностью сведено к минимуму. Можно безнаказанно писать и печатать все, что угодно, вроде брошюры «Жиды» и газетки «Земщина», которые продавались в фойе Центрального театра Советской Армии, где проходил писательский съезд. А вот насчет лжи — сложнее. Приходится быть свидетелем того, что сейчас одна ложь заменяется другой.

В течение десятков лет создавались мифы о нашей жизни, на которых выросло несколько поколений. Созданием этих мифов занималось огромное количество людей — историки, политики, ученые, писатели. Теперь те мифы заменяются другими, которые, однако, столь же далеки от реальности.

И когда, например, Станислав Куняев, утверждая, что слово «профессиональный» имеет всегда антисоциальное значение, начинает перечислять: «Профессиональный вор, профессиональный жулик, профессиональный революционер», — то это не только бесчестный и безнравственный

прием, но и попытка лжи. Ибо оратор выступает, по сути, против всего, что связано с Советской властью, против созданных в этот период культурных ценностей. Есть понятия, которые нельзя ставить в один ряд.

И во времена террора были Булгаков, Платонов, Пастернак, Ахматова. И в самые застойные времена были прекрасные писатели, о которых мы сейчас, к сожалению, мало вспоминаем или совсем забыли. Часто ли нынче встречается имя Трифонова? Никто не упоминает Виталия Семина — писателя необыкновенной честности и высокой художественности. Они перечеркнуты, как

во, крестьянскую Россию. Не могу не доверять персонажу его пьесы, который жалуется: «Куренка негде выпустить». Так же не имею права не верить Чехову и его произведениям. А что писал о деревне Бунин!

Попытка идеализировать дореволюционную деревню и есть образец той лжи, которой сейчас пытаются заменить прежнюю ложь, когда идеализировали наши колхозы. И еще большая ложь — стремление представить Николая II невинным мучеником.

Всякое бессудное убийство отвратительно и безнравственно. Говорю это не потому, что мно-

писатель спрашивает, как она это может, женщина, обливаясь слезами, отвечает: «Так же посланцы!». Ей, по бедноте своей, никак нельзя допустить, чтобы пропали щи, куда брошена драгоценная соль. Разве это не самая страшная «чернуха», которую можно себе вообразить?

И надо вспомнить, что великая русская литература XIX века в большой мере выросла из того, что называлось физиологическими очерками. Были литераторы далеко не первого ряда, которые писали быт — страшный, «черный». Их произведения забылись, но они создали почву, на которой взойшли ростки кри-

бить временной. Она даст еще, может, своих Толстых.

— Вы прошли через страшные жизненные испытания, но тем не менее не согласны с теми, кто рисует наше послереволюционное прошлое только черной краской. Вы с оптимизмом смотрите в будущее, но, как мне известно, недавно вышли из рядов КПСС. Как вы относитесь к социалистическим идеалам и согласны ли с тем, что в названии нашего государства сохранилось определение — социалистические республики?

— Действительно, в октябре этого года я вышел из рядов КПСС, хотя мой партийный стаж насчитывал уже 60 лет. Поступил я так после того, как стало ясно, что XXVIII съезд КПСС не сделал решительного поворота ни в жизни партии, ни в жизни страны, на который рассчитывали многие коммунисты. Я понял, что мое мнение, как и мнение других рядовых членов КПСС, никак не может повлиять на курс партии, а числиться лишь статистической единицей считаю безнравственным. Но в будущее тем не менее смотрю с оптимизмом.

Я иронически отнесся к бурным дебатам народных депутатов СССР вокруг того, как будет дальше называться наше государство. Дело ведь не в названии. Сейчас создается новое государственное образование, и пока трудно предсказать, какие формы оно примет. Когда увидим, что к чему, за названием дело не станет.

Полагаю, что тот социализм, который мы считали своим идеалом, не был ни идеалом, ни социализмом. Для меня всегда понятие социализма было сродни социальной справедливости. У нас же было общество самой большой социальной несправедливости.

В этом году мне довелось быть в Англии, и там я убедился, какая дикая ложь — наше утверждение, что единственным привилегированным классом в СССР являются дети. Они у нас самые задержанные, замуштрованные, лишены свободы, инициативы, с малых лет подчинены жестокой воле взрослых. Зато в Англии я увидел действительно привилегированное сословие — это старики и инвалиды. Для них предусмотрено все, даже скошенные края тротуаров, пандусы в музеях и кинотеатрах, чтобы могла заехать инвалидная коляска, специальные светофоры с кнопкой, мгновенно останавливающие поток машин. Есть и туалеты для инвалидов со всевозможными приспособлениями, чтобы им было удобно. Словом, они до конца своих дней могут вести активный образ жизни, не являясь для кого-то бременем, не будучи невольными затворниками. И я понял, что такое отношение к старости и увечьям — лучший способ воспитания детей.

Доверие к детям и уважение к старости — и есть та мера социальной справедливости, которая, по моему мнению, называется социализмом. И я верю, что когда-нибудь мы к этому придем.

— Так с какими чувствами вы вступаете в новый, 1991 год?

— Во-первых, со жгучим интересом. Непреходящий интерес ко всему, что происходит вокруг, всегда поддерживал меня и, вероятно, в конце концов, помог выжить. Как ни парадоксально, мне было интересно и в лагере, и в тюрьме — ведь все это жизнь, движение, люди с их судьбами.

Во-вторых, я вступаю в новый год, как всегда, с надеждой. Человек, теряющий надежду, — уже не действующее лицо в жизни, а всего элемент декорации. Как видите, надежда до сих пор не обманывала меня. Надеюсь, не обманет и дальше.

Беседу вел
Л. ФОМИНА.

Лев. Разгон. — 1990. — 28 дек.

Наш
собеседник —
Лев
РАЗГОН

и все, что у нас происходило после 1917 года.

— Мне кажется, что попытка замены мифов касается прежде всего не литературы, а нашей истории, когда при переосмыслении общественно-политических процессов, происходивших в стране в XX веке, попросту свертываются одни кумиры и на их место водружаются другие. Однако остервенение, с которым сейчас нередко топчут красное знамя, очень напоминает то, что происходило в 1917 году, когда с таким же остервенением топтали двуглавого орла. Безудержные эмоции никогда не способствовали выбору правильных решений. А это нам сейчас крайне необходимо.

— Подтверждением тому, что вы говорите, может служить газета «Земщина», издаваемая союзом «Христианское возрождение», и некоторые более солидные издания, суть выступлений которых заключается в том, что России было хорошо лишь при царе, и единственным способом правления может быть только самодержавие. Утверждается, что при династии Романовых мы были и могли быть дальше великой державой, а во всех наших теперешних бедах виновата кучка заговорщиков, которая в 1917 году свергла царя.

Как вы знаете, я смотрю на действительность не через розовые очки и очень хорошо знаю, что принес тот строй, в котором мы сейчас живем. Однако представлять, что в России при определенном благоприятном стечении обстоятельств могла бы сохраниться монархия, которая привела бы страну к благоденствию, просто смешно.

Не надо быть великим историком, чтобы понимать, что революции происходят не в результате действий заговорщиков. Революция в России была результатом политики царизма и того положения, в котором находилась страна с крестьянским по преимуществу населением. А жили крестьяне плохо, что бы нам сейчас ни говорили авторы «Нашего современника».

Я не знаю опыта современных писателей — деревенщиков, но, согласитесь, они не жили при царе. Однако я не имею оснований не доверять Льву Толстому, который хорошо знал крестьян-

ские из близких мне людей были расстреляны без суда и следствия. Однако Николай II отнюдь не святой, и он отливает свою пулю 25 лет.

Не может быть никаких слов оправдания убийству ни в чем не повинных женщин и подростков, которые были расстреляны только из соображений так называемой государственной целесообразности. Однако, муссируя бесконечно во всех изданиях тему убийства царской семьи, почему-то не говорят ни о тех женщинах и детях, что погибли под пулями царских солдат и жандармов, ни об указе от 7 апреля 1935 года, по которому можно было расстреливать 12-летних детей за подобранные в поле колоски или взятый кусок жмыха. Кроме того, я считаю, что жизнь царя не дороже жизни крестьянина или рабочего — любого человека. За каждое убийство надо спрашивать с одинаковой мерой.

Все это меня волнует еще и потому, что почти всю свою жизнь я проработал в детской литературе и был свидетелем того, как создавались мифы, на которых воспитывалось подрастающее поколение, — о Павле Морозове или о бесстрашном юном командире Гайдаре. Я близко знал Аркадия Гайдара. Он был гораздо более умным, глубоким человеком и — трагичной личностью, чем его представляли юным читателям. Думаю, что его гибель была не только актом огромной личной смелости, которой он обладал, но и в какой-то мере нежелания, невозможности жить дальше. И очень не хотелось бы, чтобы теперь для юных был создан новый миф — о добром батюшке-царе.

— В связи с этим вернемся к тому, о чем вы говорили в начале нашего разговора: литература должна нести людям правду. Но является ли это единственной ее миссией? И посылна ли будет для юных плеч та тяжелая ноша правды, которую и взрослые сейчас с трудом выдерживают? Не захлебнемся ли мы в потоке так называемой «чернухи»?

— Но что делать, если мы живем в «чернухе»? Вспомните, как Тургенев рассказывает о женщине, у которой только что умер сын, а она вдруг садится есть щи. И когда пораженный

тического реализма, великого русского реализма.

— Проработав много лет в детской литературе, вы сейчас встали в один ряд с писателями, которые открыли для нас «ворота ГУЛАГа». Ваше «Непридуманное» интересно еще и тем, что вы, как член семьи одного из непокорных «соратников» Сталина, бывали в домах многих членов правительства, встречались и в лагере, и после освобождения с женой Калинина Екатериной Ивановной, не по рассказам знаете о трагических судьбах многих выдающихся людей. Но сейчас появилось столько произведений на ГУЛАГовскую тему, что некоторые читатели считают: хватит, довольно. А как считаете вы?

— Вон у меня на полке лежат три тома «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына. Но то, что можно написать на эту тему, не поместится и в сотню томов. Эта тема не только не исчерпана — она не может быть исчерпана никогда.

На протяжении длительного исторического периода осуществлялся организованный террор против собственного народа. Через архипелаг ГУЛАГ прошли десятки, а может, и сотни миллионов человек — точную цифру мы так и не знаем. Я имею в виду не только тех, кто остался на безымянных лагерных кладбищах, или тех, кто выжил в невыносимых условиях, вернулся в родные края. Я говорю и обо всех «топтунах», следователях, надзирателях, охранниках, начальниках всех мастей — они тоже прошли школу ГУЛАГа, и многие из них до сих пор живы.

Уверен, что то страшное состояние, в которое пришло наше общество, — жестокое наследие ГУЛАГа, вытравившего из миллионов людей доброту, милосердие, порядочность, совесть. Мы расплачиваемся и еще долго будем расплачиваться за это. Как же можно «закрыть» эту тему?

Не говорю уже о том, что существует элементарный долг живых перед мертвыми, о котором с такой силой писал Твардовский. Я, например, писал свою книгу, руководствуясь только этим: рассказывал о людях, которые сами этого сделать уже не смогут. Тема ГУЛАГа не может